

Курьёзы реформ орфографии

Виктор ЧУМАКОВ

Последняя реформа русской орфографии, или азбуки, или правописания, а это по большому счёту одно и то же, началась ещё в конце XIX в. К тому времени многим деятелям нашей культуры стало ясно, что детище Петра I — гражданский шрифт, весьма успешно обслуживавший нашу письменность с 1710 г., — нуждается в существенном преобразовании. И речь шла не только об алфавите. И отдельные лица, и педагогические кружки, и общества возбуждали вопрос о необходимости упростить русское правописание «въ цѣляхъ облегченія учащимся труднаго дѣла усвоенія орфографіи». Этот «наболевший вопрос» в то время был постоянным «предметом живого обмена мыслей». Почти все сходились на том, что «было бы величайшим благодеянием для школы, если бы оказалось возможным устранить те орфографические путы, которые тормозят свободное развитие школы и задерживают стремление к живому знанию».

И вот как результат движения передовой общественности Империи, Академия наук создавала Комиссию по реформированию русского правописания. Августейший Президент академии Великий князь Константин Константинович, внук Николая I, дядя Государя Императора Николая II (он же знаменитый поэт К.Р.) возглавил Комиссию. Его товарищем (т.е. первым заместителем), стал языковед академик Филипп Фёдорович Фортунатов, который на первом заседании в апреле 1904 г. сделал доклад «О поводах, вызвавших постановление относительно образования Комиссии». Так совершило оборот колесо второй орфографической реформы русского языка. Её главным и осязаемым результатом было закрепление в русском алфавите 33 букв. Ушли в историю буквы «ять», твёрдый знак после согласных в конце слова — «ер», «и» десятиричное — «і», «фита», «ижица». Осталась в алфавите «молодая» буква «Ё», которой исполнилось тогда всего 123 года.

Сейчас, по прошествии 96 лет со времени первого заседания Комиссии, кому-то может показаться странным, что этим 50 умнейшим мужам науки было очень трудно отыскать правильное решение и прийти к согласию. Причин и в самом деле было хоть отбавляй — от очень серьёзных до курьёзных.

Например, инициалы полного имени академика Фортунатова — Ф.Ф.Ф. (три ферта) стали таковыми лишь после 1918 г. До этого комбинация литер была другой, может быть, даже более красочной Ф. Ф. Ф., то есть ферт, фита, ферт. Ведь довольно многие русские имена начинались именно на фиту: Фёдор, Фёкла, Феодора, Феодосий, Феофан, Феррапонт, Фирс, Фома. Немало русских имён начиналось и на другую букву-изгнанницу І і — и десятиричное: Иаков (Яков), Иисус, Иоанн, Иов, Иона, Иосиф. А теперь представьте себе реакцию взрослых носителей этих звучных имён, например, Иосифа Джугашвили (Сталина), и колкие насмешки детей над сверстниками, потерявшими Фиту или И десятиричное в своём имени. Восторгов не было. Неприятие реформы было чуть ли не массовым. Её саботаж стал фактом нашей истории и продлился в ряде районов России до окончания гражданской войны. Некоторые эмигрантские издательства в Берлине, Париже, Харбине, Нью-Йорке ещё дольше растянули этот период и не потому, что там засели отпетые антисоветчики и контрреволюционеры, а потому лишь, что орфография как бы сродни генетике: изменить их природу крайне сложно.

В Декрете А. Луначарского от 10 октября 1918 г. о введении новой орфографии было предписано, что «все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны печататься согласно при сем прилагаемому новому...». Саботаж этого декрета был столь массовым и вызывающим, что можно было бы кое-кого и к стенке поставить, но время красного как, впрочем, и белого террора ещё не пришло. Председатель ВЦИК Яков Свердлов (в недавнем прошлом Иаков) принял гуманное революционное решение о реквизиции всех отменённых литер во всех типографиях республики. Выполнение решения

было поручено матросам и солдатам. Они с мандатами, почему-то напечатанными на папиросной бумаге, смело врывались в типографии и ссыпали в мешки из наборных касс яти, и с точкой (i), фиты, твёрдые знаки и ижицы. Всё это, как металлолом, было подвергнуто переплавке. Да уж, знали бы к этому времени покойные Великий князь К.Р. и Ф.Ф. Фортунатов, какими методами будет претворена в жизнь их реформа...

Однако что тут роптать да сетовать. В самой Комиссии Великого князя пятая часть её была против отмены литер и аргументировала свою точку зрения. И десять лет спустя после декларирования орфографической реформы находились лихие смельчаки, с гневом её осуждавшие. Так, академик Д.С. Лихачёв, когда ему было немногим более 22 лет, выступил в домашнем собрании друзей, которое в шутку было ими названо «Космической Академией наук», с докладом «Медитации на тему о старой, традиционной, освящённой исторической орфографии, попорченной и искажённой врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трёх рассуждениях Дмитрием Лихачёвым февраля 3 дня 1928 г.». Кто-то об этом донёс, а времена были архисуровые... и в итоге 8 февраля 1928 г. ещё не оперившийся выпускник Ленинградского университета был арестован и осуждён на 5 лет заключения в концлагерь на Соловках.

Гневные слова были сказаны молодым Димой Лихачёвым совсем не в адрес советской власти. Как мы хорошо знаем, орфографическая реформа вынашивалась с 60-х годов XIX в. и была впервые декларирована ещё при правлении А.Ф. Керенского его министром А.А. Мануйловым и какое-то время называлась «мануйловской».

Нужно отдать должное защитникам власти в нашей стране. Они бережно сохранили рукопись выпускника ЛГУ и спустя 63 года с извинениями ему её возвратили, а только что возрождённое (действовало в 1811–1930 гг.) Общество любителей российской словесности в журнале «Русская речь» № 1, 1992 г. для своей первой послеопальной публикации выбрало именно эту негоревшую работу Д.С. Лихачёва. В журнале статья занимает 7 страничек и очень важна для истории русского языка. Приведу лишь несколько цитат: «Живая речь обладает бесконечными преимуществами перед письменной для понимания: она обладает интонацией и др.»; «Письменная речь скорее может ввести в заблуждение; поправить ошибку труднее и последствия от заблуждения будут большими: государственные распоряжения, документы, научные трактаты и т.д.»; «XVII век, знавший толк в грамоте больше нашего, имел массу графических знаков»; «Чем больше в языке графических знаков, тем легче он при чтении, так как каждое слово становится характернее, индивидуальнее, приобретает определённую физиономию»; «Чем характернее физиономия слова, тем легче его схватить, прочесть, потому что мы читаем не по буквам или складам, как делают неграмотные люди, а схватываем слово в целом по его «физиономии»; «Интересы чтения должны возобладать над интересами письма (пишет книгу один, а читают 30 000 в продолжение 50 лет)»...

Рассказывают, что наш великий живописец Илья Ефимович Репин реформу азбуки не принял. Он не был эмигрантом. Как жил почти всю жизнь в Финляндии, так там и оставался до конца своих дней. Следует пояснить, что его фамилия происходит от названия легендарного овоща репы, а репа по-старому писалась через ять: рһпа. Поэтому великий художник был Илія Рһпинь.

В середине 20-х гг. приходит ему из Москвы от Луначарского какое-то письмо. В адресе значится: И.Е. Репину. Увидев это, взрывной Илья Ефимович (ему уже было 80 лет) вспылал не на шутку. Что уж он наговорил в адрес Наркома просвещения, до нас не дошло, а вот написал он на письме следующее: «Никакой РЁПИНЬ здесь не живёт» и распорядился отослать письмо обратно. Гордый нарком второго письма не послал. Что было в первом, вряд ли теперь узнаешь.

Этот, казалось бы, анекдотичный конфликт знаменитых личностей с реформой орфографии на самом деле отражает серьёзное противоречие и трудности в понимании смысла текста из-за отмены буквы ять. Ведь когда был ять в словах все, всем (характерно, что ять — мужского рода), то это означало только звук Е, а когда до реформы в этих словах

стояла буква Е, то её следовало читать Ё. Таким образом, отмена ятя сделала употребление буквы Ё совершенно обязательным. Попробуй различить без неё все и всё, ведро и вѣдро, всем и обо всѣм и многое, многое другое.

Были и продолжают оставаться неприятности из-за отмены буквы И десятеричное, то есть І і. Приведу весьма характерный пример.

В 1865 г. началась публикация небывалого в истории мировой литературы романа-эпопеи гр. Л.Н. Толстого «ВОЙНА и МИРЪ». Именно так было напечатано на титульном листе. После реформы орфографии 1917–1918 гг. название романа стало выглядеть несколько иначе: «ВОЙНА и МИР». И если посмотреть на оба эти названия внимательно, то окажется, что перед нами два существенно разных произведения. Ведь в первом названии слово МИРЪ означает земной шар, Землю, а также людей, население Земли и ещё это означает мир, пространство, в котором мы живѣм. Но если бы граф выбрал тогда нынешний постреформенный вариант названия своего романа, то все до одного в России слово МИРЪ поняли бы как согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны или как манифест, соглашение воюющих сторон о прекращении войны. Кстати, именно так огромное число наших сограждан и понимает теперь название романа: война и мирная жизнь, то есть отсутствие войны. Давайте согласимся — потеря смысла произошла весьма крупная. И уже как курьёз или фарс выглядят переводы названия эпопеи, например, на английский язык «War and peace» вместо правильного «War and world».

Орфографическая реформа, начавшаяся официально в 1904 г. и узаконенная соответствующими государственными актами в 1917-м, 1918-м и 1942 годах, не устранила всех проблем графики и правописания. В 20–40-х годах споры на орфографические темы порой разгорались столь нешуточные, что кое-кто «загремел» за решётку. Это сладкое слово «свобода», которая, как казалось немалому числу людей, пришла с Октябрьской революцией, сыграла злую шутку со многими и коснулась целых коллективов. Например, научный отдел Наркомпроса РСФСР высказался в 1919 г. **«о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики (выделено мной. — Авт.)»**. Инициаторы этой «реформы» считали её «логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов», и полагали, что она стала бы «завершением азбучной реформы, в своё время выполненной Петром I».

В чём же была причина появления таких идей в Наркомпросе? Ответ, думается, ясен. С самого начала своей деятельности советское правительство взяло курс на разжигание мировой революции. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем», выразил эту примитивно-восторженную мысль, широко распространѣнную в те годы, поэт Александр Блок.

В 1919 г. был создан новый, III, или Коммунистический Интернационал. Для организации пролетарской революции в Германию направлены видный большевик К.Б. Радек, первый председатель исполнительного комитета Трудовой коммуны немцев Поволжья Эрнст Рейтер и многие другие. А в Москве надолго поселились деятели компартий со всего света (здесь они, бывало, и умирали и их хоронили в Кремлёвской стене). Мировая революция означала союз рабочих всех стран, а дух и принципы интернационализма жѣстко требовали нивелирования или даже уничтожения национальных культур. Вот и решили большевистские идеологи приблизить «отсталое» русское письмо к западноевропейским письмам — ввести латиницу.

Общество любителей российской словесности, создав особую комиссию (М.Н. Сперанский, Н.А. Янчук, Н.М. Мендельсон, В.Н. Щепкин, А.М. Сумбатов, М.Н. Розанов, Н.Ф. Ржига, Ф.Ф. Саводник), 23 декабря 1919 г. на предложение Наркомпроса изменить в республике систему письма, то есть вместо кириллицы ввести латинский алфавит, дало хорошо аргументированный отрицательный ответ. В нём, в частности, читаем: «Введение латиницы не только не облегчит, а скорее затруднит иностранцам изучение русского языка». Сейчас, наверное, для многих эта принципиальная и яростная борьба выглядит как

сущая несурза, но забывать об этом не стоит, из песни слова не выкинешь. Тем более что активные участники идеологических схваток на этом поприще подверглись репрессиям, а некоторые были расстреляны.

С русским, украинским, белорусским, грузинским и армянским языками проделать это не удалось, и тогда с 1920-х гг. начали создавать на основе латиницы алфавиты для других народов СССР, как бесписьменных прежде, так и имевших свои системы письма, которые при этом нещадно уничтожались. В конце 1930-х гг. идеологический маятник качнулся в другую сторону, и эти алфавиты были переделаны на кириллической основе. Некоторым народам бывшего СССР, снова теперь переходящим на латиницу, нелишне вспомнить, откуда взялась эта идея и кто был её инициатором.

В этом году русская орфография должна пережить ещё одну реформу или упорядочение. Из Института русского языка им. В.В. Виноградова, который должен представить новый свод правил, просачиваются сведения, что в основном всё будет оставлено, как было и в том числе будет сохранён статус полной неопределённости употребления вечно молодой буквы Ё на письме и в печати: хочешь — пиши, а не хочешь не пиши. То есть сохранится буква-фантом — единственная в мировой орфографии буква не обязательная в написании. Но — только для взрослых носителей русского языка, а что касается детей, представителей национальных меньшинств или иностранцев, то для них ё писать и печатать следует обязательно, но опять же до определённого возраста или уровня усвоения языка.

Вот так-то, знай наших! Ведь запутались же и давно бы пора в этом признаться и сказать: «В нашем алфавите имеется тридцать три буквы, и все они равноправны и все их нужно в соответствии с правилами орфографии употреблять, то есть писать и печатать. Что же касается экономической стороны проблемы, то она, просуществовав до начала 90-х годов XX в., ныне радикально устранена в связи с внедрением компьютерных и офсетных технологий в полиграфическом производстве».

Небрежное, неряшливое, а по сути, наплевательское отношение к национальной святыне — великому русскому языку, увы, ныне широко распространено. Приведу пример, в очередной раз меня возмущивший. В центре нашей столицы при выходе из метро «Китай-город», на стене укреплен великолепно сделанная бронзовая доска, на которой отлито «ВАРВАРСКИЕ ВОРОТА». Читаю: «Варварские ворота». Я знаю: здесь рядом, в «Китайском проезде» размещается структура, которой командует «ваучеризатор России» и обладатель набитых сто долларками коробок из-под «ксероксов». Это именно он, Анатолий Чубайс, сейчас спокойно даёт команду отключать от тепла и света нищих неплательщиков — школы, детсады, ясли, роддома, впрочем, как и ракетные базы. Здесь же, на площади, но по другую руку — бывшее здание штаб-квартиры ЦК КПСС, который развалил великую державу.

Думаю: а ведь как это верно — действительно «Варварские ворота». Именно варвары в своё время развалили Римскую империю. На самом же деле Ворота эти следует называть «Варварские». Названы они в честь находящейся неподалёку церкви святой великомученицы Варвары.

В очередной раз становится очень горько. Ведь есть особенности нашей орфографии, о которых совершенно не задумываются те, кто пишет, например, дорожные указатели и указатели названий улиц. Как и откуда появляются уродливые Мневники (Хорошево Мневники) вместо единственно правильного Хорошёво Мнёвники или произносят Балашиха вместо Балашиха?!

Следующий в Москву или восвояси иностранец, проезжая мимо станции, на фронте которой отлито в бетоне и белым на тёмно-бордовом фоне изображено её название МОЖАИСК, может быть, и не догадается, что это искажённое местными варварами имя города русской славы Можайска.

А одной из особенностей русской орфографии является наличие трёх надстрочных, диакритических значков: Ё, Ъ и знака ударения.

Дорогие читатели, давайте беречь, лелеять и хранить от разрушения наше великое на-

следие — родной язык.